

**ИТОГИ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ
В ЛОКАЛЬНЫХ ГРУППАХ ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ СИБИРСКИХ ТАТАР ТЮМЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ: ГЕНЕТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

*М. В. Ульянова, М. Б. Лавряшина, В. В. Поддубиков, М. Р. Зазулина, К. И. Осипов, А. П. Чемчиева,
З. А. Тychinskih, Б. А. Тхоренко, А. М. Веденин, О. Н. Нечипоренко, В. Г. Дружинин*

**RESULTS OF COMPLEX INVESTIGATIONS OF POPULATION REPRODUCTION PROCESSES
IN LOCAL GROUPS OF TOBOL-IRTYSH SIBERIAN TATARS IN TYUMEN REGION:
GENETIC AND DEMOGRAPHIC ASPECTS**

*M. V. Ulyanova, M. B. Lavryashina, V. V. Poddubikov, M. R. Zazulina, K. I. Osipov, A. P. Chemchieva,
Z. A. Tyhinskih, B. A. Tkhorenko, A. M. Vedenin, O. N. Nechiporenko, V. G. Druzhinin*

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00272-а и Государственного задания Минобнауки № 2014/64.

В статье обсуждаются результаты исследования динамики (1940 – 2014 гг.) генетико-демографических процессов в локальных популяциях тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области. Обследованы татары тюменско-туринской, тобольской и ясколбинской групп. Выявлена однонаправленная динамика генетико-демографических процессов и показателей воспроизводства: старение сельских популяций, снижение эффективно-репродуктивной доли населения, дисбаланс в структуре полов в сторону преобладания мужчин в репродуктивной части населения, усиление темпов межэтнического смешения, рост уровня миграционной активности. Отмечена разная интенсивность данных процессов в исследованных локальных популяциях.

The paper discusses the results of a study of the dynamics (1940 – 2014) of the genetic and demographic process in local populations Tobol-Irtysh Siberian Tatars in Tyumen region. The Tatars of Tyumen-Turin, Tobolsk and Yaskolbinsk groups were examined. A unidirectional dynamics of the genetic and demographic processes and indicators of reproduction was discovered: aging of the rural population, decline in the proportion of the reproductive group of the population, imbalance in the sex structure with men prevailing over of women in the reproductive group of the population, increasing rates of inter-ethnic mixing, rising levels of migration activity. Different intensity of these processes in the different studied groups of local population was identified.

Ключевые слова: воспроизводство, генетико-демографические процессы, мониторинг, тоболо-иртышские сибирские татары.

Keywords: reproduction, genetic and demographic processes, monitoring, Tobol-Irtysh Siberian Tatars.

Введение

Сибирские татары – коренное тюркоязычное население Западной Сибири. В составе сибирских татар выделяют три этнотерриториальных подразделения – барабинские, тоболо-иртышские и томские татары, которые, в свою очередь, делятся на ряд более мелких этнотерриториальных групп и подгрупп. Так, к барабинским татарам относятся барабинско-чановская, кыштовско-усть-таркская и каргатско-убинская группы. Томские татары включают в свой состав калмаков, чатов и зуштинцев. К тоболо-иртышским татарам принято относить татар тюменско-туринской, тобольской, ясколбинской, курдакско-саргатской и тарской групп. Тоболо-иртышские сибирские татары – наиболее крупная группа, как в численном отношении, так и по разнообразию входящих в ее состав территориальных групп и локальных популяций. Внутри тюменско-туринских татар, в свою очередь, выделяют собственно тюменских, туринских и ялutorовских татар. Внутри тобольских – аремянско-наддинскую (северную), искеро-тобольскую (центрально-тобольскую), бабасанскую и иштякско-токузскую (вагайско-уватскую) подгруппы и т. д. Каждая из этих групп татар обладает особой этнической историей и занимает определенный ареал расселения.

Исторически сложилось так, что территория Западной Сибири явилась своеобразной этноконтактной зоной, перекрестком путей миграций различных народов и культур. По сибирским рекам Обского бассейна и просторам Западно-Сибирской равнины проходили древние и средневековые торговые пути. Именно поэтому этногенез сибирских татар, как и большинства народов Сибири, характеризуется длительной историей взаимопроникновения, смешения и расхождения различных по происхождению племен и народностей – угорских, самодийских, тюркских, монгольских. Это обусловило многокомпонентность этнического состава сибирских татар, нашло проявление в их антропологическом [4; 14], лингвистическом [1 – 2; 6; 13], этнокультурном [5; 12] и генетическом [8 – 9; 15 – 16] разнообразии.

В настоящее время в научном сообществе не существует единого взгляда на вопросы завершенности процесса этногенеза сибирских татар. Так, Ф. Т. Валеев [3; 5] полагает, что процесс консолидации сибирских татар, начавшийся в XV – XVI вв., завершился на рубеже XIX – XX вв., приведя к формированию, так называемой «буржуазной» народности. По мнению же Н. А. Томилова [10; 11], к началу XX в. единого этноса (народности) сибирских татар не существовало, и

они представляли собой не до конца консолидированную метаэтническую общность.

Необходимо отметить, что сибирские татары – одна из наиболее крупных этнических групп в составе населения Западной Сибири, характеризующаяся обширной территорией расселения («от Урала – до Енисея»). Так, например, существует мнение, что из 350 тысяч татар, проживавших на территории Запад-

ной Сибири в 1992 году, коренных сибирских татар было примерно 200 тысяч [13]. Ареал основного расселения современных сибирских татар охватывает, как минимум, четыре крупных сибирских региона: Тюменскую, Омскую, Новосибирскую и Томскую области (рис. 1). Кроме того, небольшие группы сибирских татар проживают в Кемеровской области (татары-калмаки) и в Красноярском крае (чулымские татары).

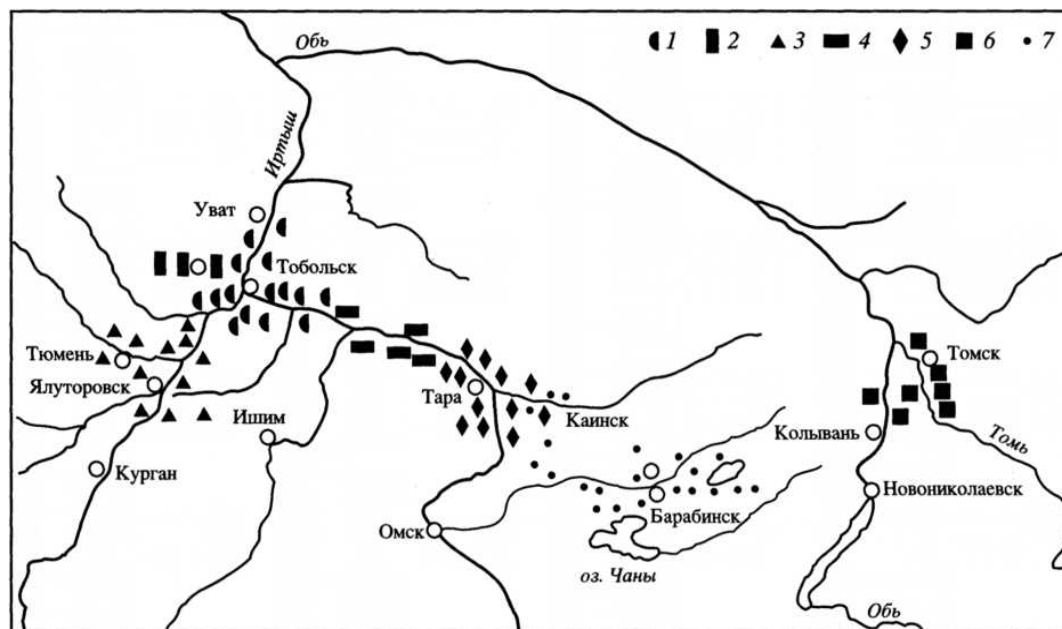

Рис. 1. Расселение сибирских татар в Западной Сибири (из [13])

Примечание: группы: 1 – тобольские, 2 – ясколбинские, 3 – тюменско-туринские, 4 – тевризские (курдакско-саргатские), 5 – тарские, 6 – томские, 7 – барабинские.

Отмеченные выше обстоятельства рожают две важные для настоящего исследования научные проблемы. Во-первых, будучи обширной по численности населения этнической общностью, сибирские татары имеют более широкие контакты (генетические, демографические, социальные, культурные) с доминирующим обществом, чем другие коренные народы Западной Сибири (в особенности малочисленные). По этой причине отдельные территориальные и локальные группы сибирских татар существенно различаются в отношении практикуемых ими моделей адаптации к природной, социально-экономической, культурной и этнической среде через особенности воспроизводства, структуру заболеваемости, механизмы демографического перехода, смены идентичности, социальных и культурных трансформаций. Однако эти процессы на современном этапе развития сибирских татар практически не осмыслены с позиций комплексного подхода. Во-вторых, существенный научный интерес представляет вопрос о соотношении разнообразия локальных форм этнической идентичности сибирских татар и локальных комплексов их традиционной культуры с наблюдаемым генетическим разнообразием соответствующих популяций.

Такая крупная этническая общность, как сибирские татары, неоднородна также в отношении самосознания и культурного облика отдельных локальных и этнотерриториальных групп. Это в значительной мере является деконсолидирующим фактором, созда-

вая условия для запуска этноразделительных процессов (пример: новейшая этническая история татар-калмаков Кемеровской области), особенно нарастающих в условиях этнополитической мобилизации идентичности малочисленных этнических групп. В этом отношении может представлять интерес синхронный анализ актуальных форм этнического самосознания (и этнокультурной отличительности / идентичности) на уровне отдельных групп сибирских татар и генетико-демографических данных о составе их популяций. Возможно, это позволит уточнить некоторые аспекты завершенных этапов этногенеза сибирских татар, широко артикулируемые в рамках современного этнополитического дискурса о возможном (обоснованном) «выделении» из сибирско-татарской этнической общности некоторых «новых» малочисленных этносов с правом на все установленные государством социальные преференции.

Настоящая работа открывает серию научных публикаций, обобщающих результаты проводимого авторами комплексного исследования текущих в среде сибирских татар демографических процессов, с учетом не только параметров естественного и миграционного движения населения, но и наблюдаемых трендов развития этнической идентичности сибирских татар, ее этнокультурных и этносоциальных компонентов.

В данной статье приводится анализ генетико-демографических аспектов современного этапа воспро-

изводства населения в локальных группах сибирских татар Тюменской области.

Материалы и методы

Настоящее исследование представляет собой, по сути, первую попытку реализовать комплексную программу мониторинга локальных групп сибирских татар Тюменской области при сочетании подходов, методов и исследовательского инструментария генетики, прикладной этнологии и этносоциологии. Материал для исследования был собран в ходе комплексных экспедиций 2013 – 2014 гг. в Тюменскую область генетиков и этнологов Кемеровского государственного университета, социологов Института философии и права (г. Новосибирск), историков Филиала Тюмен-

ского государственного университета (г. Тобольск). Экспедиционными работами было охвачено коренное население Западной Сибири – тоболо-иртышские сибирские татары (тоболовской группы – искеро-тобольские, иштыяско-тогузские; тюменско-туринской группы – ялуторовские и тюменские (бухарцы); ясколбинской группы – ясколбинские или заболотные). География исследованных территорий включала места компактного расселения вышеуказанных групп сибирских татар в административных границах четырех районов Тюменской области – Вагайском, Тобольском, Тюменском и Ялуторовском. Всего обследовано население 9 сельских поселений (СП), 31 сельского населенного пункта (таблица 1).

Таблица 1

География экспедиций и обследованные группы тоболо-иртышских татар Тюменской области

Группа	Район	Сельское поселение
Татары-бухарцы	Тюменский	Ембаевское
Ялуторовские татары	Ялуторовский	Асланинское
Искеро-тобольские	Тобольский	Загваздинское Полуяновское
Иштыяско-тогузские	Тобольский Вагайский	Бегишевское Казанское, Тукузское
Ясколбинские	Тобольский	Ачирское, Лайтамакское

Материалом для исследования послужили записи книг похозяйственного учета сельского населения (около 30 тыс. человек), неперсонифицированные акты ЗАГС о заключении брака (30719 актов), демографические анкеты (327 анкет), интервью (25 человек), а также анкеты социологических и экспертных опросов (295 респондентов). На основе первичных материалов были созданы компьютерные базы данных, проанализированные при помощи статистических программ STATISTICA, SPSS, а также ряда оригинальных компьютерных программ для анализа генетических, демографических и социологических данных. Анализ генетико-демографических показателей осуществлялся в динамике (временной интервал с 1940-х по 2014 гг.). Максимальный охват составил три непрерывающихся поколения. Этносоциальный мониторинг проводился на одном временном срезе (данные 2013 – 2014 гг.).

Результаты и их обсуждение

Динамика параметров численности, половозрастной структуры и показателей воспроизводства (данные анализа записей похозяйственных книг) рассмотр-

ена на примере локальных популяций татар искеро-тоболовской и тюменской подгруппы. Искеро-тоболовские татары – это подгруппа тоболовской группы тоболо-иртышских сибирских татар. Места компактного расселения татар искеро-тоболовской группы расположены в Тобольском районе по правому берегу реки Иртыш на расстоянии от 35 – 70 км до г. Тобольска. Тюменские татары в исследовании представлены татарами-бухарцами. Это этносословная группа внутри тюменско-туринской группы тюменской подгруппы. Этнический ареал татар-бухарцев, расположенный в Тюменском районе, находится на расстоянии 17 км от областного центра – г. Тюмени. Проведенный анализ выявил следующее.

Динамика параметров численности (таблица 2).

Проанализированы тотальный (N_t), репродуктивный (N_r) и эффективно-репродуктивный (N_e) размер популяций, а также ряда интегральных характеристик – доля эффективно-репродуктивного объема (N_e/N_r), доля эффективного объема в тотальной популяции (N_e/N_t).

Таблица 2

Динамика параметров численности исследованных локальных популяций тоболо-иртышских татар

Группа	Временные периоды	N_t	N_r	N_e	N_e/N_r	N_e/N_t
Искеро-тоболовская	1950-е	3063	1016,92	675,36	0,66	0,22
	1980-е	3165	1367,97	861,40	0,63	0,27
	2010-е	2313	1128,64	196,03	0,17	0,08
Тюменская	1950-е	1767	786,48	409,90	0,52	0,23
	1980-е	2437	1471,02	801,37	0,54	0,33
	2010-е	3766	2067,86	1120,13	0,63	0,30

Анализ динамики параметров численности продемонстрировал разнонаправленность регистрируемых процессов в исследованных локальных популяциях. У татар искеро-тобольской группы за изученный интервал времени показано снижение всех анализируемых характеристик. В то время как у татар тюменской группы, напротив, отмечается рост параметров численности. Отметим, что Ембаевское СП, в котором компактно проживают тюменские татары-бухарцы, расположено рядом с городом Тюменью,

что вероятно обуславливает особенности демографического развития населения данной территории.

Динамика половозрастной структуры (таблицы 3 и 4). Другим важным параметром является соотношение полов, так как любой дисбаланс в структуре полов будет ограничивать перспективы воспроизводства популяции. Наибольшее значение в этом отношении играет население, находящееся в репродуктивном возрасте, так как именно эта группа может внести свой вклад в процесс воспроизводства.

Таблица 3

Динамика соотношения полов в исследованных локальных популяциях тоболо-иртышских татар

Группа	Фертильный класс	Временной период (годы)		
		1950-е	1980-е	2010-е
Искеро-тобольская	Дорепродуктивный	1,21	1,00	1,03
	Репродуктивный	1,02	1,30	1,15
	Пострепродуктивный	0,32	0,40	0,57
Тюменская	Дорепродуктивный	1,02	1,07	1,18
	Репродуктивный	0,77	1,05	1,54
	Пострепродуктивный	0,35	0,27	0,38

Данные, приведенные в таблице 3, показывают, что временной интервал 1950-х гг. являлся наиболее благоприятным для обеспечения процессов воспроизводства популяции искеро-тобольских татар, а 1980-х гг. – тюменской. На современном этапе в обеих исследованных популяциях отмечен дисбаланс в структуре полов в сторону увеличения доли мужчин, особенно выраженный в тюменской группе. Следующим изученным параметром была динамика показателя «средний возраст» (таблица 4). В ряду исследован-

ных поколений в обеих группах татар средний возраст демонстрирует выраженный рост, как у населения в целом, так и у мужчин и женщин, в частности. Средний возраст женщин во все интервалы времени оказывается выше, чем средний возраст мужчин. У искеро-тобольских сибирских татар в настоящее время средний возраст выше, чем у тюменских татар-бухарцев, что отражает тенденцию к постарению популяции, о чем будет сказано ниже.

Таблица 4

Динамика показателя среднего возраста в локальных популяциях тоболо-иртышских татар

Популяция	Пол	Временной период (годы)		
		1950-е	1980-е	2010-е
Искеро-тобольская	♂	20,17	24,10 ¹	35,23 ^{1,2}
	♀	26,29	29,91 ¹	36,49 ^{1,2}
	♂ + ♀	23,59	27,09 ¹	35,34 ^{1,2}
Тюменская	♂	19,98	25,94	32,37 ^{1,2}
	♀	25,96	30,09	35,47 ^{1,2}
	♂ + ♀	22,56	28,01	33,67 ^{1,2}

Примечание: Верхний индекс отображает статистически значимые различия между поколениями:

1 – 1950-е, 2 – 1980-е, 3 – 2010-е.

Таблица 5

Динамика соотношения фертильных классов в исследованных локальных популяциях

Репродуктивный класс	Временной период								
	1950-е			1980-е			2010-е		
	♂	♀	Σ	♂	♀	Σ	♂	♀	Σ
Искеро-тобольская									
Дорепродуктивный	58,57	47,95	53,22	38,67	35,52	37,03	28,02	25,57	26,76
Репродуктивный	33,68	32,75	33,24	51,71	36,79	43,95	53,91	44,41	49,03
Пострепродуктивный	7,75	19,30	13,55	9,62	27,69	19,02	18,06	30,03	24,21
Тюменская									
Дорепродуктивный	45,25	34,07	38,50	26,97	22,24	24,46	27,03	23,61	25,34
Репродуктивный	45,25	45,29	44,56	66,11	55,37	60,40	59,46	39,58	49,66
Пострепродуктивный	9,49	20,64	15,50	6,92	22,39	15,14	13,51	36,81	25,00

Динамика типа воспроизводства (таблица 5).

На основе соотношения фертильных классов оценивают свойственный популяции тип воспроизводства – расширенный, простой или суженный.

Данные таблицы 5 отражают произошедшую смену типа воспроизводства у искеро-тобольских и тюменских татар с простого (тюменские) и расширенного (искеро-тобольские) в 1950-е гг. на суженный в 2010-е гг. Суженный тип воспроизводства, характеризуется низкой долей лиц дорепродуктивного класса, что в перспективе может привести к снижению численности популяции.

Динамика старения популяции

Выявленный рост показателя среднего возраста в исследованных популяциях и смена типа воспроизводства позволяют предположить постарение исследованных популяций тоболо-иртышских сибирских татар. Для измерения старения населения применяют специальные шкалы, основанные на указанных значениях возраста. В России это возраст 60 лет, в этом случае применяется шкала Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета. По этой шкале, если доля лиц в возрасте 60 лет меньше 8 %, то это демографическая молодость; от 8 до 10 % – первое преддверие старости; от 10 до 12 % – собственно преддверие старости; от 12 и выше – демографическая старость. Проведенный анализ возрастной структуры показал, что доля лиц в возрасте старше 60 лет у тюменских татар составила 11,22 %, т. е. данная популяция находится в преддверии старости. Что касается искеро-тобольских татар, то у них данный показатель преодолел 12 % порог и достиг 12,87, то есть для этой популяции свойственна демографическая старость.

Таким образом, исследование динамики параметров численности, половозрастной структуры и показателей воспроизводства, выявляет односторонность процессов генетико-демографического развития: увеличение среднего возраста, смену типа воспроизводства, дисбаланс структуры полов. Все это позволяет характеризовать динамику генетико-демографических процессов как негативную. Отмечено различие в динамике параметров численности исследованных популяций. Однако, как показало дальнейшее исследование, увеличение численности тюменских татар-бухарцев Ембаевского СП, определяется не процессами воспроизводства в данной популяции, а обеспечивается миграционным притоком с иных территорий.

Репродуктивный статус (таблица 6)

На следующем этапе исследования анализировались особенности репродуктивного статуса тоболо-иртышских татар с целью изучения динамики ряда важнейших показателей, характеризующих особенности репродукции населения, а именно: продолжительность физиологического и реального репродуктивного периода, уровень рождаемости, уровень пренатальных и дорепродуктивных потерь, механизмы регуляции рождаемости, давление естественного отбора и пр. Репродуктивный статус тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области исследован на примере татар ясколбинской и ялуторовской групп.

Ялуторовские татары относятся к тюменской подгруппе тюменско-туринской группы. Они компактно расселены в Ялуторовском районе. Локальные популяции ялуторовских татар расположены на расстоянии 35 – 60 км от г. Ялуторовска. Ясколбинские татары представляют отдельную группу тоболо-иртышских татар. Они населяют территорию болотистого края к западу и северо-западу от г. Тобольска (50 – 100 км). Локальные популяции ясколбинских татар территориально изолированы и представлены преимущественно моноэтническими поселениями.

Исследование репродуктивных особенностей вышеуказанных групп показало, что физиологический репродуктивный период у ясколбинских татар превышает таковой у ялуторовских на 2,5 года. Что касается реального репродуктивного периода, то он в обеих группах, характеризуется невысокой продолжительностью по сравнению, например, с коренными народами Южной Сибири (алтайцами и шорцами) [7]. В популяции ялуторовских татар реальный репродуктивный период не достигает даже 7 лет, у ясколбинских оказывается немного длиннее – 8,29 года. Кроме того, у ясколбинских татар оказывается выше среднее число беременностей и живорождений, при более низком среднем уровне медицинских аборт. Однако данная популяция испытывает большее давление естественного отбора – индекс Кроу (тотальная компонента отбора) у ясколбинских татар достигает 10,61 %, что в 2,5 раза выше, чем у ялуторовских татар (3,98 %). Эффекты естественного отбора в популяции ясколбинских татар проявляются более высоким, по сравнению с ялуторовскими, уровнем пренатальных потерь (мертворождения и спонтанные аборты). Средний уровень дорепродуктивных потерь (детская смертность) в обеих исследованных популяциях невысок, однако у ясколбинских татар (0,12) данный показатель в 6 раз выше, чем у ялуторовских (0,02).

Таблица 6

**Витальные характеристики
у сибирских татарок завершеного
репродуктивного периода, $\bar{x} \pm s. e$**

Показатель	Группа	
	Ялуторовские	Ясколбинские
Беременности	4,01 ± 0,25	4,92 ± 0,33
Живорожденные	2,55 ± 0,14	3,50 ± 0,23
Мертворожденные	0,07 ± 0,03	0,15 ± 0,06
Медицинские аборты	1,18 ± 0,15	0,91 ± 0,16
Спонтанные аборты	0,21 ± 0,11	0,35 ± 0,08
Выжившие дети	2,53 ± 0,14	3,33 ± 0,23

Примечание: жирным шрифтом выделены значения, статистически значимо отличающиеся между группами.

Таким образом, анализ динамики показателей репродукции в двух поколениях сибирских татар выявляет снижение рождаемости, например у ясколбинских с 5,65 до 3,05 и снижение среднего уровня пренатальных потерь, при большей распространенности медицинских аборт и тенденции с росту детской смертности в ясколбинской популяции.

Брачная структура (таблицы 7, 8)

Брачно-миграционная структура, индекс эндогамии и интенсивность метисации тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области исследована по данным архивных материалов (актов ЗАГСа о заклю-

чении браков и записей похозяйственных книг). Результаты анализа брачной структуры рассматриваются на примере иштякско-тогузских, искеро-тобольских и тюменских татар. Краткая характеристика этнической классификации и расположения этнических ареалов искеро-тобольских и тюменских татар уже была приведена выше. Что касается иштякско-тогузских татар, то они являются подгруппой тобольских татар. Места их компактного расселения расположены в Вагайском районе в левобережье реки Иртыша, по реке Вагаю и его притоку Агитке, а также в районе Уватских болот (60 – 100 км от районного центра с. Вагай).

Таблица 7

Структура браков в отношении национальной принадлежности супругов в татарском населении Вагайского района

Годы	Общее число браков	Индекс ассортативности A' (%)	Тип брака (%)		
			$T \times T$	$T \times P$	$T \times Др$
1940-е	117	98,93	97,44	0,00	2,56
1970-е	453	93,94	90,07	7,06	2,87
2010-е	247	85,71	83,00	15,79	1,21

Примечание: $T \times T$ – однонациональные татарские браки, $T \times P$ – браки татар и русских, $T \times Др$ – браки татар с представителями других национальностей.

Исследование динамики (1940 – 2013 гг.) индекса эндогамии иштякско-тогузских татар было проведено по данным актов ЗАГСа о заключении браков татарского населения Вагайского района. Индекс эндогамии – один из показателей популяционной структуры, чем выше уровень эндогамии в популяции, т. е. чем чаще супруги происходят из одной и той же популяции, тем выше вероятность, что они являются родственниками и несут общие гены. Уровень эндогамии отражает степень генетической изолированности популяции. Для татарского населения Вагайского района показаны высокие значения внутрирайонного индекса эндогамии для обоих исследованных временных интервалов (1970-е, 2010-е гг.). В 1970-е гг. величина индекса составила 0,72, а к первому десятилетию XXI века это значение продемонстрировало тенденцию к росту (0,75). Полученные значения эндогамии свидетельствуют о высокой степени брачной изолированности татарского населения Вагайского района, которая может определять и уровень инбридинга и уровень отягощенности наследственной патологией.

В таблице 7 представлено соотношение однонациональных и межнациональных браков у татарского населения Вагайского района репродуктивного возраста в разные временные периоды. Во всех поколениях преобладают однонациональные татарские браки. Однако одновременно регистрируется повышение удельного веса смешанных браков в начале XXI в., что позволяет предположить снижение положительной брачной ассортативности по национальному признаку (A'). Сравнительный анализ индекса этнической ассортативности татар показал, что в 1940-е гг. он очень высок, однако на протяжении трех поколений наметилась тенденция к снижению данного показателя, к началу 2010-х годов величина индекса снижается

на 13,22 %, что является прямым свидетельством снижения предпочтительного заключения браков с представителями своей национальности.

Приведенные результаты анализа динамики некоторых показателей брачно-миграционной структуры татар Вагайского района Тюменской области свидетельствуют о существовании определенных изменений и в миграционной активности населения, и в структуре браков, произошедших за три поколения. Расширение брачного рынка, снижение уровня эндогамии, рост числа смешанных браков может являться следствием стремления популяции к повышению уровня генетического разнообразия.

Далее был осуществлен анализ брачной структуры искеро-тобольских и иштякско-тогузских сибирских татар Вагайского района и тюменских татар-бухарцев Тюменского района Тюменской области по данным записей похозяйственных книг. Проанализированы архивы Казанского, Тукузского, Бегишевского и Ембаевского сельских поселений за 1950-е, 1980-е и 2010-е гг., что охватывает временной период соответствующий трем поколениям (таблица 8).

При сравнении темпов межэтнического смешения в популяциях искеро-тобольских и иштякско-тогузских сибирских татар показано некоторое усиление процессов метисации, однако уровень однонациональных браков в данных подгруппах татар остается на достаточно высоком уровне, а смешение на современном этапе идет в основном за счет заключения браков с русским населением. Темпы смешения у татар тюменской подгруппы оказываются значительно выше. В 2010-е гг. уровень межэтнических браков у них превышает 27 %, в структуре межэтнического смешения более половины составляют браки с русскими. Таким образом, исследование динамики брачно-миграцион-

ной структуры, уровня эндогамии и интенсивности метисации показало, что, несмотря на общность тенденций, заключающихся в усилении межэтнического смешения в среде сибирских татар, темпы и глубина этого процесса во времени в различных популяциях сибирских татар значительно варьируют.

Авторы выражают искреннюю благодарность Председателю комитета по делам национальностей Тюменской области Е. М. Воробьеву за неоценимую помощь в организации экспедиционного обследования сибирских татар Тюменской области.

Таблица 8

Структура браков (в %) в отношении национальной принадлежности супругов популяциях тоболо-иртышских сибирских татар (данные похозяйственных книг)

Группа	Годы	Общее число браков	Тип брака		
			Т x Т	Т x Р	Т x Др
Искеро-тобольские	1950-е	302	100,00	0,00	0,00
	1980-е	241	97,10	2,90	0,00
	2010-е	199	89,45	9,05	1,51
Иштякско-тогузские	1950-е	283	100,00	0,00	0,00
	1980-е	209	99,52	0,00	0,48
	2010-е	135	91,17	8,83	0,00
Тюменские	1950-е	296	82,34	10,64	7,02
	1980-е	328	75,91	18,29	5,79
	2010-е	18	72,22	16,67	11,11

Литература

1. Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект сибирских татар. Казан. гос. пед. ин-т. Казань, 1994. С. 112 – 118.
2. Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963. 195 с.
3. Валеев Ф. Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Казань, 1980. С. 22, 44.
4. Багашев А. Н. Таксономическое положение тоболо-иртышских татар в системе расовых типов Западной Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск, 1991. С. 18 – 37.
5. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993. 208 с.
6. Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 527 – 529.
7. Лавряшина М. Б., Ульянова М. В., Балановская Е. В. Особенности репродукции в сельских популяциях коренных народов Южной Сибири // Медицинская генетика. 2009. № 9. С. 3 – 7.
8. Наумова О. Ю., Рычков С. Ю., Морозова И. Ю., Хаят С. Ш., Семиков А. В., Жукова О. В. Разнообразие митохондриальной ДНК у тоболо-иртышских сибирских татар // Генетика в России и мире: материалы Международной конференции. М., 2006. С. 13.
9. Падюкова А. Д., Лавряшина М. Б., Кузнецова М. А., Жабагин М. К., Агджоян А. Т., Схалыхо Р. А., Тычинских З. А., Балановская Е. В. Генетический портрет тоболо-иртышских сибирских татар по гаплогруппам Y-хромосомы // Генетика человека и патология. Проблемы эволюционной медицины: сборник научных трудов / под ред. В. А. Степанова. Вып. 10. Томск: Печатная мануфактура, 2014. С. 59 – 61.
10. Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978. С. 150 – 151.
11. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992. С. 212 – 213.
12. Томилов Н. А. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с.
13. Рамазанова Д. Б. Сибирско-татарские диалекты и говоры татарского языка // Сулеймановские чтения – 2006: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2006. С. 89 – 90.
14. Хитъ Г. Л., Томилов Н. А. Формирование татар Сибири по данным антропологии и этнографии // Методологические аспекты археологических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 5 – 17.
15. Шнейдер Ю. В., Грошева А. Н., Евсюков А. Н., Жукова О. В. Полиморфизм иммуногенетических и биохимических маркеров генов у сибирских (тоболо-иртышских татар) // Генетика. 2011. Т. 47. № 12. С. 1655 – 1665.
16. Borinskaya S., Kal'ina N., Marusin A., Faskhutdinova G., Morozova I., Kutuev I., Koshechkin V., Khusnutdinova E., Stepanov V., Puzyrev V., Yankovsky N., Rogaev E. Distribution of alcohol dehydrogenase ADH1B*48His allele in Eurasia // Am. J. Hum. Genet. 2009. V. 84(1). P. 89 – 92.

Информация об авторах:

Ульянова Марина Владиславовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры генетики биологического факультета КемГУ, ulmar2003@mail.ru.

Marina V. Ulyanova – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Genetics, Faculty of Biology, Kemerovo State University.

Лавряшина Мария Борисовна – доктор биологических наук, профессор кафедры генетики биологического факультета КемГУ, lmb2001@mail.ru.

Mariya B. Lavryashina – Doctor of Biology, Professor at the Department of Genetics, Faculty of Biology, Kemerovo State University.

Поддубиков Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры геологии и географии, заведующий лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ, poddub@gmail.com.

Vladimir V. Poddubikov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Geology and Geography, Head of the Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Kemerovo State University.

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, zamashka@yandex.ru.

Maria R. Zazulina – Candidate of Philosophy, Research Associate at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS.

Осипов Константин Иванович – научный сотрудник лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ, constantine-osipov@yandex.ru.

Konstantin I. Osipov – Research Associate at the Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Kemerovo State University.

Чемчиева Аржана Петровна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, chemchieva@yandex.ru.

Arzhana P. Chemchieva – Candidate of Philosophy, Research Associate at the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS.

Тычинских Зайтуна Антрашитовна – доцент Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева, zaituna.09@mail.ru.

Zaytuna A. Tychinskih – Candidate of History, Tobolsk State Social and Pedagogical Academy named after D. I. Mendeleev.

Тхоренко Борис Александрович – студент 3 курса биологического факультета КемГУ, tba2008@mail.ru.

Boris A. Tkhorenko – student at the Faculty of Biology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **М. Б. Лавряшина**).

Веденин Алексей Михайлович – студент 5 курса биологического факультета КемГУ, aleksei.vedenin2013@yandex.ru.

Alexey M. Vedenin – student, Faculty of biology Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **В. В. Поддубиков**).

Нечипоренко Ольга Владимировна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, olganechiporenko@yandex.ru.

Olga V. Nechiporenko – Doctor of Sociology, Leading Research Associate at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS.

Дружинин Владимир Геннадьевич – доктор биологических наук, профессор, проректор по НИР КемГУ, druzhinin_vladim@mail.ru.

Vladimir G. Druzhinin – Doctor of Biology, Professor, Head of the Department of Genetics, Vice-Rector for Science and Research, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 22.01.2015 г.